

Эти представления о стабильности в недрах универсума в катастрофическом XX веке «сохранили свою влияние и авторитетность» (Там же). Они более всего отвечают концепции пушкинской поэмы. В ней есть трагизм от разгула грубых стихийных сил, предчувствие будущих катастроф, но нет абсолютной обречённости, поскольку подспудно присутствует художественное постижение той истины, что в мире неизбежны извечная мудрость естественного потока жизненной стихии и Правда самоотречённой и жертвенной любви, которую несёт в себе Евгений. В нём заключены стихийные силы Эроса и продолжения рода в их высоком человеческом воплощении, благородные стремления к «независимости и чести», созидательному труду и своему Дому, оставшиеся нереализованными, но «обречёнными» на самовозобновление.

Попытка предпринятой в настоящей статье ретроспективной проекции позволяет сделать предварительный вывод, требующий отдельной детализации и уточнений, о том, что поэма «Медный всадник» предвосхитила многие важные тенденции гуманитарного сознания XIX и XX веков, художественно их обозначив и сконцентрировав в формах своей поэтики. Осмысление этого факта позволяет говорить об **особом, невыявленном ранее масштабе Пушкина как мыслителя, постигшего катастрофические механизмы всеобщего бытия, и в нём бытия национального**, месте «Петербургской повести» в контексте русской и мировой культуры и одновременно о пронзительно гуманной, антропоцентричной пушкинской художественной концепции.

Источники и литература

1. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Правда, 1981. Далее цитаты даются по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.
2. Булыко А.Н. Большой словарь иноязычных слов.– М.: Мартин, 2004.–704 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.–Петербург: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
4. З.Немировский И.В. Библейская тема в «Медном всаднике» // Русская литература, 1990. – № 3. – С.3–17.
5. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 273 с.
6. Долгий В.М., Левинсон А.Г. Архаическая культура и город // Вопр. философии. – 1971. – №7. – С. 48–61.
7. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. – М.: Русский язык, 1981 – 1982. Т. 4. 1982. – 681 с.
9. Новикова М.А. Пушкинский космос: Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. – М.: Наследие, 1995. – 353 с.
10. Зотов Г. Стихия и кумир. Над страницами «Медного всадника» // Истина и жизнь. – 2004. – №2. – С. 38–46.
11. Хализев В.Е. Теория литературы. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. школа, 2005. – 405 с.

Емельянова Т.А.

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ–ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Необходимость исследования фразеологических единиц, основой которых служат термины профессиональной речи, неоднократно подчеркивалась как отечественными, так и зарубежными лингвистами (А.В. Куниным, Л. П. Смитом, С. Л. Мишлановой, А. П. Дьяченко, Т.И. Уткиной, С.В. Востровой)

В теоретическом отношении исследование медицинских терминов-фразеологизмов продиктовано отсутствием всестороннего описания свойств и специфики терминов-фразеологизмов, в результате чего они занимают самое различное положение в существующих классификациях фразеологических единиц. В практическом отношении результаты анализа терминов-фразеологизмов могли бы быть использованы при составлении медицинских словарей и при создании новых терминов на французском языке. А также необходимо отметить, что в современном информационном обществе повышается интерес к научно-популярному дискурсу как прагматически ориентированному способу вербализации научного знания.

Изложенные соображения теоретического и практического порядка свидетельствуют об **актуальности настоящего исследования**.

Цель работы заключается в систематизации и обобщении принципов формирования французских медицинских терминов-фразеологизмов.

Основные задачи:

- классифицировать выделенный корпус терминов-фразеологизмов в зависимости от их структурных свойств и способа заимствования
- показать семантику этих терминов

В соответствии с целью и задачами работы настоящее исследование было проведено на базе «терминофиксирующего текста», а именно на основе словарей: «Terminologia medica-polyglotta» [1], который содержит 10000 терминов и терминологических сочетаний, «Ботанический словарь на пяти

языках» [2], «Словарь клинических терминов с переводным и толковым значением» [3].

Предметом исследования стали медицинские термины-фразеологизмы, заимствованные из латинского языка и представляющие собой словосочетание, в котором хотя бы один из компонентов изменил свое прямое значение.

Проникновение огромного количества латинских слов во французский язык наложило свой отпечаток на французскую лексику. Количественный рост словарного состава за счет слов, заимствованных из латыни, приводит к дальнейшим глубоким структурным изменениям [4, 5].

Вплоть до наших дней латынь используется в качестве международного языка в медицине. Вся научная номенклатура основана на латинской и греческой лексике, оформлена по правилам латинской грамматики. Латинский язык является неиссякаемым источником научной и технической терминологии, отражающей новейшие открытия международной научной мысли, а также источником терминов-фразеологизмов в различных классах дискурса, в частности в медицинском дискурсе. В основе многих ФЕ лежат давно устаревшие взгляды на медицинскую науку, древние (часто суеверные) представления о различных болезнях, их возникновении и способах лечения. Так, в фразеологизме *prendre* (или *repandre*) *du poil de la bête* (разг.) «выкарабкаться из беды; воспрянуть духом; оправиться от болезни» (букв. взять шерсть животного) отразилось старинное поверье, будто шерсть некоторых животных способна исцелять раны, вызванные укусом этих животных.

В основе другого фразеологизма – *se faire de la bile* «расстраиваться, портить себе кровь» (букв. выделять желчь) – лежит существовавшее еще в древности мнение, согласно которому любое расстройство и волнение приводит к выделению желчи у человека. Выражение *avoir la bosse de...* «иметь склонность к...» связано с распространенной в прошлом теорией, рассматривающей выпуклости (*bosses*) на голове человека как признаки определенных способностей и склонностей.

Образное сравнение *mentir comme un arracheur de dents* (разг.) «врать безбожно» (букв. врать как зубодер) восходит к тем временам, когда зубные лекари, занимавшиеся своим ремеслом в людных местах (например, на ярмарках), убеждали своих клиентов, что удаление зуба не причинит им никакой боли. Но поскольку подобные обещания никогда не выполнялись, зубные лекари прослыли в народе лжецами, что нашло свое отражение в упомянутом выше сравнении.

К фразеологизмам данной группы относятся также следующие обороты:

saigner à blanc «разорить, пустить по миру» (букв. обескровить);

compte d'apothicaire (разг.) «чрезмерный, раздутый счет» (букв. счет аптекаря);

après la mort le médecin «после ужина горчица» (букв. после смерти вызвать врача). [5, с.296]

Исследователей привлекает не только этимология ФЕ, но и ее семантика, так как устойчивая единица, как и слово, обладает номинативной функцией, и смысл, заключенный в устойчивом сочетании, – необходимый элемент коммуникации и важный предмет исследования. Также семантические признаки наиболее существенны для фразеологических единиц. Поэтому описание ФЕ с точки зрения соотношения общего значения фразеологической единицы со значением ее компонентов стало уже традиционным (В. В. Виноградов). Некоторые отечественные языковеды по этому признаку классифицируют и термины-фразеологизмы.

Как и слово, фразеологизм претерпевает разные семантические трансформации. Наблюдается полное или частичное преобразование его компонентов. Переосмысление компонентов ФЕ – самая распространенная форма их семантического преобразования.

Переосмысление может быть образным и необразным, что ведет соответственно к появлению образных и необразных ФЕ. Образное переосмысление устойчивых словосочетаний, в зависимости от некоторых семантических факторов, может быть метафорическим или метонимическим [5, с. 170–172].

Метафорическое переосмысление является важнейшим источником обогащения фразеологического фонда французского языка. Например, *гусиная кожа* (*fr.* – *chair de poule*) – используется метафора, поскольку кожа о которой говорится, не является гусиной (хотя и похожа на нее некоторыми качествами). Виды подобного сходства весьма разнообразны и порой трудно определимы. Перенос чаще всего бывает основан:

а) на сходстве поведения, действия: *fr.* – **angine de poitrine** – «грудная жаба»; *fr.* – **érysipèle ambulante** – «мигрирующая рожа»;

б) на сходстве положения, состояния: *fr.* – **abcès froid** – «холодный абсцесс», *fr.* – **toux humide** – «влажный кашель»; *fr.* – **ictère typhoïde** – «тяжелая желтуха»;

в) на сходстве внешней формы: *fr.* – **bec de de -lèvre** – «заячья губа», *fr.* – **masque de léonin** – «львиное лицо», *fr.* – **thorax en entonnoir** – «грудь сапожника»;

г) на сходстве цвета: *fr.* – **délire tremens** – «белая горячка»; *fr.* – **cutis marmorata vascularis** – «мраморная кожа»; *fr.* – **infarctus blanc** – «белый инфаркт»; *fr.* – **langue noire** – «черный язык».

Метонимическое переосмысление по сравнению с метафорическим является менее распространенной формой семантического преобразования, в частности и для медицинских терминов. Например, *Абрикосова болезнь* (*Abrikosov tumeur*) – использована метонимия, так как слово «Абрикосова» обозначает не самого ученого, а болезнь которую он обнаружил [40, с. 8].

И метафора, и метонимия являются, прежде всего, механизмами речи, особыми типами номинации. Однако они выполняют и другую функцию, важную не только для речи, но и для языка как системы. Они используются для образования переносных значений.

По мнению М.Н. Кронгауза, понятия метафорической и метонимической связи активно используются при описании структуры лексемного значения, однако не всегда являются достаточно точным инструментом описания [6, с. 162].

Язык, которым пользуются медики, богат метафорами, которые являются неотъемлемой частью медицинского дискурса и представляют собой некое направление движения бессознательной творческой активности медика, участвуя в создании «инвариантного профессионального образа мира» [7].

Медицинские метафоры представляют собой возможные способы объяснения медицинских явлений окружающей действительности, путем переноса в область медицины конкретных фрагментов образа мира на основании их тождества или подобия. Переосмысление фрагментов образа мира дает дополнительные сведения о медицинских явлениях. Фоновые знания, заключенные в области источника, часто служат основанием для декодирования метафоры и для выяснения оценки передаваемых с ее помощью характеристик медицинских понятий. Можно сказать, что это общий принцип образования метафорического значения в медицинском тексте.

Также можно предположить, что появление термина и процесс метафоризации взаимосвязаны, поскольку термин фиксирует познавательную деятельность медика и представляет собой «индивидуально создаваемое в ходе творческого акта слово» [8, с. 56]. Метафора заимствует в «готовом» виде в медицинскую терминосистему лексемы из наивного, литературного и других видов дискурса со смещением значения или без него. Семантическое переосмысление этих слов и наличие достаточного количества предвестников того или иного состояния пациента, приводит к образованию в медицинском языке обобщающих терминов. Например: «Симптом *вершины айсберга*» – это изображение жировой части дермоидной кисты яичника в виде *конуса* или *бугорка*, окруженных жидкостью, характерного для доброкачественной дермоидной кисты (тератомы) яичника смешанного типа» [8, с. 263].

Таким образом, процесс метафоризации медицинского дискурса отражает взаимодействие человека с окружающим миром, процесс познания и преобразования им действительности. Внешний вид внутренних органов человека отождествляется с продуктами деятельности человека. Использование названий артефактов с целью описания и конкретизации симптомов дает возможность более детального представления объективной картины заболевания и служит для характеристики состояния внутренних органов пациента. Иными словами, метафора в медицинском дискурсе отражает процесс осознания места и роли человека в окружающем мире: сначала отождествление человека и создаваемого им мира, затем осознание человека как части этого мира и, наконец, противопоставление человека и окружающего мира, возможность сознательного изменения мира человеком [7].

Следует отметить высокую активность культурологической лексики, которая в сочетании с медицинскими знаниями представляет собой глубинный терминологический пласт в психиатрии и медицинской психологии, использующийся для обозначения и описания болезненных состояний, патологий, симптомов.

В составе медицинского словаря «Terminologia medica polyglotta» в ходе исследования было выявлено 172 ФЕ, представляющие собой словосочетания, состоящие из 2 или 3 лексических единиц. В общем количестве представленных в названном словаре терминов (10 000) фразеологические сочетания составляют приблизительно 1,7 %. Согласно классификации фразеологизмов А.Г. Назаряна по способу заимствования их можно разделить на:

1. Кальки;
2. Полукальки;
3. Заимствования без перевода.

Кальки:

- fr.– abcès chaud; lat.– abscessus calidus; рус.– горячий абсцесс;
- fr.– angine abdominale; lat.– angina abdominalis; рус.– брюшная жаба;
- fr.– alvéoles dentaires; lat.– alveoli dentales; рус.– зубные луночки;
- fr.– bronchite sèche; lat.– bronchitis sicca; рус.– сухой бронхит;
- fr.– artère carotide; lat.– arteria carotis; рус.– сонная артерия;

Полукальки:

- fr.– acuité visuelle; lat.– visus; рус.– острота зрения;
- fr.– gangrène gazeuse; lat.– infectio gazosa; рус.– газовая гангрена;
- fr.– muscle biceps; lat.– biceps; рус.– двуглавая мышца;
- fr.– muscle scalène; lat.– scalenus; рус.– лестничная мышца;
- fr.– nubecule de la cornée; lat.– nuclearis; рус.– облачко роговицы;

Заимствования без перевода:

- 1. fr.– cor bovinum; lat.– cor bovinum; рус.– бычье сердце;
- 2. fr.– cutis marmorata vascularis; lat.– cutis marmorata; рус.– мраморная кожа;
- 3. fr.– délirium mussitans; lat.– delirium mussitans; рус.– тихий бред;

Были обнаружены и собственно французские словосочетания :

- fr.– langue de carpe; рус.– козья ножка;
- fr.– taille de guêpe; рус.– осиная талия;
- fr.– démarche de canard; рус.– утиная походка;

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что наиболее распространенным способом заимствования является калькирование – 120 единиц, далее идут полукальки – 41 единица, собственно французские словосочетания – 7 единиц и заимствования ФЕ без перевода – 4 единицы.

Фразеологизмы современного французского языка построены преимущественно по синтаксическим моделям свободных (переменных) словосочетаний и в данном исследовании представляют собой непредикативные фразеологизмы, а именно **фраземы**. Наблюдаются самые различные словосочетания, как наиболее типичные и регулярные здесь выделяются следующие:

1) фразеологические обороты, представляющие собой сочетания: **существительное + предлог (de) + существительное с артиклем**

- fr.– auricule du coeur; lat.– auricula cordis; рус.– сердечное ушко;
- fr.– bassinnet du rein; lat.– pelvis renalis; рус.– почечная лоханка;
- fr.– hile du poumon; lat.– hilus pulmonis; рус.– ворота легкого;
- fr.– hile du foie; lat.– porta hepatis; рус.– ворота печени;

2) фразеологические обороты представляющие собой сочетания:

существительное + предлог (en) + существительное

- fr.– alopecie en aires; lat.– alopecia areata; рус.– гнездная алопеция;
- fr.– nez en selle (nez en lorgnette, nez en pied de marmite); lat.– nasus selliformis; рус.– "козлиный нос";
- fr.– thorax en entonnoir; lat.– pectus excavatum; рус.– грудь сапожника;
- fr.– thorax en careen; lat.– pectus carinatum; рус.– куриная грудь;

3) фразеологические обороты, представляющие собой сочетания: **существительное + предлог (de) + существительное без артикля**

- fr.– angine de poitrine (sténocardie); lat.– angina pectoris; рус.– грудная жаба;
- fr.– bec – de – lèvre; lat.– labium leporinum; рус.– заячья губа;
- fr.– bain de soleil; lat.– balneum solis; рус.– солнечная ванна;
- fr.– coup de soleil (insolation); lat.– heliosis insolatio; рус.– солнечный удар;
- fr.– chaire de poule (réaction ansérine, peau ansérine, horripilation); lat.– cutis anserina; рус.– гусиная кожа;

4) фразеологические обороты, представляющие собой сочетания:

существительное + прилагательное

- fr.– sac lacrymal; lat.– saccus lacrimalis; рус.– слезный мешок;
- fr.– tumeur blanche; lat.– tumor albus; рус.– белая опухоль;
- fr.– bourse synoviale (bourse muqueuse); lat.– bursa synovialis; рус.– слизистая сумка;
- fr.– cor bovinum; lat.– cor bovinum; рус.– бычье сердце;

На основании данной классификации можно сделать вывод, что конструкция «существительное + прилагательное» является наиболее употребляемой для образования терминов–фразеологизмов: 112 единиц из 172, а ФЕ с конструкцией «существительное + существительное с артиклем + существительное с артиклем» (tiot de la caisse du tympan), можно считать самой малочисленной группой – 1 единица. Также было установлено, что предлог **de** является самым продуктивным предлогом в формировании медицинских фразеологических сочетаний.

Особо важной проблемой является и семантическая классификация ФЕ. Большинство исследователей–романистов и авторов учебных пособий в этом вопросе ссылаются на Ш. Балли или В. В. Виноградова и, применяя (часто механически) их принципы типологического деления, классифицируют ФЕ французского языка по степени спаянности компонентов и по степени мотивированности их значений. Однако исследования последних лет убедительно показали, что для французской фразеологии, отличающейся большой подвижностью и ярко выраженными аналитическими тенденциями, эти критерии являются слишком субъективными и ненадежными, чтобы служить основой семантической классификации фразеологических единиц.

Выступая против делений ФЕ по признаку степени мотивированности, М. С. Гурьчева пишет: «Границы между ФЕ и фразеологическими сращениями неустойчивые в русском языке, еще более шатки во фразеологии французского языка, так как в большинстве случаев грамматическая и семантическая структура фразеологизмов поддается анализу, и с этой точки зрения нет абсолютно неразложимых сочетаний. Немотивированные устойчивые словосочетания в полном смысле этого слова не типичны для современного французского языка» [9, с. 6].

Исходя из специфики французской фразеологии, на данном этапе её изучения наиболее объективным критерием семантической классификации ФЕ представляется степень смысловой взаимозависимости их компонентов. Выделенные на этой основе ФЕ включают:

Идиомы :

- fr.– pomme d'Adam; lat.– prominentia laryngea; адамово яблоко;
- fr.– gangrène de la bouche; lat.– noma; рус.– водяной рак;
- fr.– herpes cretace; lat.– lupus erythematodes; рус.– волчанка красная;
- fr.– amygdaletubaire; lat.– tonsilla tubaria; рус.– трубная миндалина;
- fr.– trompe d'Eustache; lat.– tuba auditiva; рус.– евстахиева труба;

Унилатеральные

- fr.– auricule du coeur; lat.– auricula atrii; рус.– сердечное ушко;
- fr.– aigu banal (rhinite aiguë, rhume de cerveau); lat.– rhinitis acuta; рус.– острый насморк;
- fr.– amygdaletubaire; lat.– tonsilla tubaria; рус.– трубная миндалина;
- fr.– abcès chaud; lat.– abscessus calidus; рус.– горячий абсцесс;
- fr.– artère carotide; lat.– arteria carotis; рус.– сонная артерия

Анализ медицинских терминов–фразеологизмов с точки зрения семантической функции показал, что все они только метафоричны по своей сути:

- fr.– calcul biliaire; lat.– calculus felileus; рус.– желчный камень
- fr.– caroncule lacrymale ; lat.– caruncula lacrimalis; рус.– слезное мяско;
- fr.– cotes sternales (vraies côtes); lat.– costae verae; рус.– истинные ребра;
- fr.– corps jaune; lat.– corpus luteum; рус.– желтое тело яичника;
- fr.– écorce cérébrale; lat.– cortex cerebri; рус.– мозговая кора;

Французские медицинские термины–фразеологизмы характеризуются рядом черт, которые не противоречат ни сущности термина, ни сущности фразеологизма: устойчивостью, синтаксической нечленимостью, семантической целостностью, калькированным характером, моносемией. Однако терминам–фразеологизмам присущи и такие свойства, которые явно мешают им выполнять функцию научных терминов: наличие оценочного момента или нежелательных ассоциаций, которые часто сопутствуют основному значению терминов–фразеологизмов. Также столкновение в одной языковой оболочке диаметрально противоположных тенденций в развитии значений терминов и общих фразеологизмов (способность терминов обозначать ограниченное количество видовых понятий, а общих фразеологизмов – неограниченное, а также тот факт, что значения фразеологических единиц тяготеют к абстракции, а значения фразеологизмов– терминов обязательно конкретизируются). Эти отрицательные и противоречивые черты отягощают термины–фразеологизмы. Было также выявлено, что почти все термины–фразеологизмы лишены однословных эквивалентов и являются единственным средством номинации.

Некоторые медицинские термины рассматриваемого типа наряду с выполнением функции номинации выполняют и оценочную функцию, то есть в отличие от фразеологических единиц пополняют лексический состав языка как количественно, так и качественно.

Источники и литература

1. Terminologia Medica Poliglotta. Д-р Георги Д. Арнаудов. Медицинская терминология на пяти языках, 4–е русское издание, исправленное. София, 1979 – 943 с.
2. Ботанический словарь на пяти языках. Составитель И. Н. Давыдов. Под ред. Проф., доктора с.–х. наук Ф.Х Бахтева, изд–е 2. М., 1962 – 335 с.
3. Словарь клинических терминов с переводным и толковым значением. Александровский Б.П. и Соколовский В. Г. М., 1976 – 316 с.
4. Полухина О.Н. Способы терминообразования как организующее начало. 1976 – 259 с.
5. Назарян А.Г. «Фразеология современного французского языка». М., 1976. – 308–311 с.
6. Кронгауз. М. А. Семантика. Уч. лит.–ра по гуманитарным и социальным дисциплинам для высш. шк. М., 2001 – 462 с.
7. Мишланова С.Л. Метафора в медицинском тексте на материале рус., нем., англ. яз.: Дис. канд. филол. наук: 10.02.19, Пермь, 1998 – www.psu.ru/pub/xxi/2_10_6.rtf
8. Бекишева Е. В. Репрезентация категории времени в медицинской терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики. – №2–3. – Тамбов, 2004. – С. 15–36.
9. Гурычева М. С. Очерки по синтаксису новофранцузского языка. – М., 1965 – 401 с.